

(Юнонание. Начало на 1-й стр.)

Бондарев еще больше нахохлился и, казалось, вовсе ушел в себя. Затем, бросив острый, колючий взгляд, заговорил: «Если бы этот вопрос был задан в ином тоне, он бы мог быть почти что провокационным. Но, думаю, он совершенно естествен, и отвечая на него абсолютно впрямую: я ни капли, ну ни грамма не сожалел, что последний период моей жизни попал в этот слом. И, может быть, для моей писательской и человеческой судьбы нужно было пройти и через этот страшный период, пройти, чтобы еще вернее оценить и понять все, что довелось мне увидеть в истории моей Родины. Хотя, не скрою, в эти годы, как говорят в народе, «когда едешь с базара», мне очень бы хотелось прожить отрезок жизни писателя-созерцателя, нет, не ради искусства для искусства, воспевая испещренную солнечным светом листву и блеск воды в июльский день, и красоту женщины, и августовское небо или благодать любви, чем, между прочим, многие в эти годы и занимаются, кроме тех классиков, которые всю жизнь болеют болью мира. Если вы посмотрите «Мгновения», вы увидите там многие из болевых точек нашего времени, но увидите и то, что они описаны как бы со стороны. Писателем-созерцателем. Эта отстраненность, созерцательность необходима художнику для того, чтобы воспринять жизнь во всей ее полноте, со всеми нюансами, через призму философическую. Иначе до конца не понять ни движения души, ни смысла жизни».

А познание смысла жизни и есть самое главное занятие писателя. Толстой, Достоевский, Сервантес... Разве не в этом величие их творчества? Как-то я уже говорил, что в жизни писателя есть два периода — период создания текстов и период их комментариев. Период осмысления всего, что тобой создано, всей твоей жизни, себя самого. Сейчас эта философия стала для многих пустой фразой — слишком заманчиво шуршат для них крупные купюры. А поиск смысла жизни? Добродетели? Поелинок добра и зла? Господи! — восклицают они. — Все это химеры!»

То, что случилось с нашей страной и нашей историей, — это тоже моя жизнь, и я не хотел бы от этого отрешиться, и мое поколение не должно этому противиться, хотя, конечно, больно и трудно с этим примириться.

Сейчас, когда многое стало очевидным, когда поступь фашизма по нашей земле вновь стала слышимой и отдается набатом в сердцах миллионов и льется кровь невинных людей, расстрелянных только за то, что встали на защиту советских законов, книги Юрия Бондарева приобретают особенный смысл — никто до него в столкновении фашизма с социализмом не увидел и не показал так ярко противостояния человечности и бесчеловечия, никто из писателей-фронтовиков так точно не уловил диалектику и психологию военного подвига. И не потому ли именно Бондарев первым, прибегнув к яркому и впечатляющему образу самолета, поднятого в воздух без точного знания, куда его будут сажать, именно он на партийной конференции встал против тех перестроечных опытов, что стали предвестником нынешней драмы России?

— У России свой путь в мировой истории, уникальный, — выстраданный, — говорит Юрий Васильевич. — Ну, скажите, зачем, — сердится он, — зачем русскому крестьянину, которого уж совсем в дурака превратили, навязали какое-то фермерство? Этого никогда не было в России, и к реформам Столыпина у меня тысячи претензий! Потому что именно он разрушил общину. Если сходка в деревне решала вопрос, отдавать или нет старшего брата в ар-

мию из семьи, где умерли оба родителя и остаются дети-сироты, то это что-то да значило! Реформы! Да не реформы служили России, ее процветанию. Она крепка была идеалом совершенствования. Даже после реформы 1861 года пришло запустение, развились спекуляция, грабежи, засилье иностранного капитала. Иногда к простым истинам мы приходим совершенно случайно — реформа, реформатор, реформация.. Также мне Лютер! Создали культ из реформ во имя реформ. А где человек? Я тогда Горбачеву сказал: «Ну что вы нам голову морочите? Что строить собираетесь? Капитализм? Или постфеодализм? Что ж это за реформы такие, когда войну объявили войне во имя войны? Когда зло творится во имя зла?».

Бондарев замолчал, раздраженный, вскипающий, а моя задетая за живое историчес-

Почему, почему наше, казалось бы, цивилизованное общество так инертно отнеслось к тому, что ему нагло и бесцеремонно навязали, почему мы спасовали, и больше того — сдались на милость победителей-варваров?

— Вина за многое из того, что с нами случилось, — размышляет Юрий Васильевич, — ложится на нашу интеллигенцию. Не поймите это как бондаревский консерватизм, об этом великолепно сказано у Бунина в «Окаянных днях». Российская интеллигенция постоянно фрондировала против всех и вся. Она не восстала, когда жуткая русофобия поразила Россию вплоть до конца 30-х годов. Об этом прекрасно сказал отец Иоанн в «Советской России», и это абсолютно совпадает с тем, что думаю я о нашем времени. Наша интеллигенция достойна большого осуждения, и я отношусь к ней, исходя из принципа

— Наверное, гены. И все же главное — этот вопрос касается самого важного — моей гражданской и нравственной позиции. Чем больше я чувствую давление со стороны черных сил, тем больше я испытываю чувство внутреннего сопротивления. И тем больше растет во мне чувство уверенности в моей правоте. Есть люди, которые считают это упрямством — стал же в позицию активной обороны, потому что задего его самолюбие. Ерунда! Я встал в эту позицию совершенно сознательно, ибо это позиция сопротивления разрушению моей Родины. И время подтверждает, что я прав, когда стою на защите культуры, моей страны, судьбы России, добродетели, наконец. Ибо без добродетели погибнет не только моя Родина, погибнет человечество. Попытки смять меня, которые, кстати, сейчас поутихли, дали мне возможность

ной. На Западе это случилось давно, нам навязали — сейчас Папа, который не может зарабатывать доллары, уже не папа. Почему страшная страна Америка? Потому что она проповедник морали жестокости. В России всегда было: «бедность — не порок», было что-то значительно выше — жизнь духа. И это главное. В Америке — бедняк презираем, его унижают, бьют даже за то, что он беден. Почитайте Джеймса Джонса, Курта Воннегута. Они прекрасно объясняли, почему ненавидят Америку. И если удастся навязать ее мораль нам, она погубит Россию.

Недавно Союз писателей России провел совещание молодых. Это был праздник. Неожиданный, но такой желанный в эти страшные дни после расстрела. Потому что мы увидели — жива русская литература, есть молодежь, наша глубокая, умная, талантливая, болящая болью России. Ей предстоит стать властителем дум, и она, мы поверили, нас не подведет. Есть молодежь, которая предпочла каторгу писательского труда шуршанию денежных купюр.

«Как тяжело, что мы не верим в Бога! — написала Ю. Бондареву Тамара Сапрыкина, прочитав роман «Игра». — Мне хотелось молиться — до иступления, фанатически за все наше русское, за то, что мелькает, за трусость при нашей силе. Мне не стыдно написать вам о своих раздражающих душу слезах... Почему я пишу вам? Я завидую вашему Крымову за то, что он прожил яркую, сильную жизнь, полную смелой интуиции, решительности, святой любви... Мне тридцать лет, но я уже устала, потому и ревела над вашим романом. Как трудно порой найти ответы!».

— Вообще, создать героя — в этом и есть писатель. Если бы у меня не было героя, я перестал бы писать. Вот это и есть моя связь с отцом, связь с тем поколением, которое создавало нашу советскую Родину. Я люблю всех своих героев. Мне даже жуткий мерзавец Татарчук чем-то симпатичен. Да и вообще нельзя даже злодея писать, не любя. А к Дроздову из «Искушения» у меня отношение особое. Пройдя все круги ада, искушения, он остался настоящим парнем, таким, какие были в моем поколении. Еще в статье «Мой читателям» Бондарев написал: «Видимо, каждый неравнодушен к своему поколению и хочет напомнить о нем с ревнивой любовью. Я возвращаю в жизнь тех, о которых никто ничего не знает и о которых знаю только я, и только я должен, обязан рассказать о них все». Разговаривая с Юрием Васильевичем Бондаревым, я поняла, что до сих пор он считает себя обязанным выполнять этот долг.

Пройдут годы, образ Советского Союза, такой, каким он был, уйдет в историю, а человечество будет вспоминать о нем, как о Спарте, с восхищением и восторгом. И книги Юрия Бондарева, его герои — живые свидетели величия и драмы великой державы.

Когда мы заканчивали наш разговор, вышла газета «Завтра», и в ней — кусок из нового романа Юрия Бондарева.

Да, это снова возврат к юности моего поколения. Это снова год 47-й, это снова ребята, вернувшись с войны, их разные судьбы. Это снова о том, что я не сумел услышать в «Тишине» — боль, подвиг, величие и трагизм тех, кто победил в Великой Отечественной войне. Роман называется «Победители».

Галина ОРЕХАНОВА.

Сов. Россия. —
1994. —
15 марта. —
е. 4.

КРОВАВЫЙ СНЕГ ПАМЯТИ

кая память заработала, словно манометр, — Лютер, Кальвин, Цвингели положили начало протестантской этике, стали выразителями интересов нарождающейся буржуазии в XVI веке. С тех пор протестантизм добился серьезных успехов в овладении миром, став в XX веке базой для зарождения экumenизма. А Бондарев продолжал:

— Мне иногда кажется, что где-то там высоко сидят люди, лысье, с высокими лбами и хрищеватыми ушами, они пьют виски с содовой или, напротив, только молоко и думают о том, как лучше распорядиться моей Родиной. Такая вот страшенькая картина рисуется... У нас огромная территория. За счет этих наших пространств они смогут безбедно прожить еще сотню лет. А сейчас им негде закапывать радиоактивные отходы, токсические вещества, им нужны полезные ископаемые и пресная вода, которых у них уже нет, им очень многое нужно. И они заставляют нас разоружаться, чтобы мы стали «ничто», чтобы можно было совсем не считаться с нами и вести к нам для поддержания порядка «голубые каски». И не такая уж это ирреальность. Собирается же «мировотворец» Шеварднадзе ввести их в Грузию... Все, уже на нашей земле — прецедент! И я вижу в этом очень большую опасность.

В одной из своих публицистических работ Юрий Бондарев подчеркивал: «Настоящее не может быть оторвано от прошлого, иначе теряются нравственные связи. В настоящем всегда есть прошлое». Тем не менее этому прошлому современная жизнь чинит препятствия, заставляя общество забыть прошлое. Официальная пропаганда, ломая души, привычный, рожденный веками образ и стиль жизни, судорожно вливает общество в какую-то вновь испеченную этику, наспех сложенную из обрывков рок и поп-культуры, лекций эзевских протестантских проповедников и шоу-моды. Однако самое страшное — общество эту моду пытается примерять. И если и был художник, предсказавший возможность этого, то это был Бондарев! Уже давно, начиная с романов «Берег», «Выбор», «Игра» и особенно в «Искушении», писатель ведет исследование души современного русского интеллигента, предопределяя в кропотливом анализе и глубоком прозрении суть нашей сегодняшней трагедии.

«любовь—ненависть». Одной любви здесь совсем недостаточно. Именно «любовь—ненависть». Интеллигенция не может простить разврата и растления народа, ясно, что в понятие «интеллигенция» я включаю сейчас — демократов и всех остальных. Народ растлен до того, что находится в какой-то наркотической спячке... Доколе? И вся свидригайловщина в нем от этой интеллигенции, потому что именно интеллигенция, насиливая телеэкран и всевозможную прессу, разливая яд блуда. Да, во всех романах я говорю об этой интеллигенции, но, может быть, никогда еще я не сказал такого злого и резкого слова, как сейчас. Думаю, что прошло время сделать и это...

Страшнее гражданской войны ничего быть не может. И наша литература и особенно Шолохов сказали об этом со всей очевидностью. Гражданская война для народа — окончательная гибель. Когда уже брат не видит брата, когда муж не видит жены, когда сын забывает отца и мать и все решается только огнем, свинцом, пушками и танками — в современных условиях это конец. Я пробыл в армии четыре года. Это мои лучшие годы, любимые книги, посвященные армии. Я никогда не предаю это время. Но после событий 3—4 октября я почувствовал себя бесконечно обманутым и запачканным. Я видел, как входили в Москву войска, и понял, что ничего в жизни не знаю...

В том белом здании сидели люди, избранные народом. И плохие они или хорошие, устраивают они кого-то или нет — это законная власть. И если армия стреляет в эту законную власть, в депутатов, избранных народом, значит, по формальной логике, она стреляет в народ. Когда я продумал все это, я понял, что все это очень страшно. Значит, там были наемники и за спиной их стояли люди, которым не дорог народ, значит, власть в руках тех, кто считает, что можно стрелять в свой народ...

Мы долго молчали, почти в темноте, но нарушать тишину никто не хотел. Наконец я решился спросить:

— Скажите, Юрий Васильевич!.. Несколько лет назад на вас обрушился вал грязи, наветов и травли. И все же вы им не поддались. Что вам дает силы чувствовать себя непобежденным?

Вопрос не застал Бондарева врасплох. Больше того, он оживился:

многое понять, например, я понял, что такое предательство.

— Но вы же знали об этом на фронте!

— Знал, но в других обстоятельствах. Там все было яснее, хотя природа, конечно, одна. Эта борьба укрепила во мне веру. Я чувствую себя сыном своего отца Василия Васильевича Бондарева, который отсидел свой срок, но сломался, достойно ушел из жизни.

В комнате давно горел свет, за окном густела тьма. Какие-то люди пытались «вызволить» Юрия Бондарева из нашей беседы, но он не прервал ее. Лицо его стало мягче, озарилось теплым, мягким светом, глаза заблестели.

— Объясните, Юрий Васильевич! Зачем вам в эти годы держаться за память об отце, больше того — отвечать перед ним за свою жизнь?

— Зачем? Это очень и очень личное. Я вырос в прекрасной семье. Мама — хохлушка, умная, красивая, хлебосольная хозяйка, влюбленная в свою семью. Благодаря ей я стал писателем — первые буквы, первые сказки, первые строки... и интонации... Мы жили всегда небогато, но счастливо. Отец был интеллигентом, вышедшим из деревни. В нем было то настоящее мужское, чего так не хватает современным мужчинам. Он исповедовал простые мужские истины: если в тебе течет кровь мужчины — ты защитник семьи, ее содержатель. Если сына, жену, дочь кто-то обидел — защити. Я много ездил с отцом по России. Он был юрист. И я знал, что какие бы банды ни встретились нам на дороге, мне с отцом не страшно. В семье нашей было трое детей. Я очень любил младшего брата. Он погиб в тот же день, когда посадили отца...

— Вы до сих пор ощущаете ответственность перед памятью отца?

— Все книги мои связаны с памятью. Что бы мы ни придумывали, какие бы сюжеты ни строили, во всем искать надо память. Что же касается детей, я говорю не о своих лично, то здесь уже не проблема «отцов и детей», как ее поставил Тургенев. Здесь значительно хуже — разрыв на почве духов-

Редакция «Советской России» сердечно поздравляет Юрия Васильевича Бондарева с 70-летием с искренними пожеланиями здоровья, творческого долголетия.

Торжественный вечер состоится 18 марта в 18.30 часов в Краснознаменном зале Центрального дома Российской армии. Билеты по телефону 925-00-50.